

Н.Н. Вознесенская

*Ведущий научный сотрудник
Института государства и права
РАН, доктор юридических
наук, профессор*

Правовая природа унифицированных норм торгового права международных договоров

В современном мире в эпоху глобализации происходит ускоренное развитие международных экономических отношений. В этом процессе все большую роль играют такие мощные международные структуры, как ВТО, МВФ, а также многочисленные региональные объединения, в частности Европейский Союз и другие союзы государств.

Однако «государства были и остаются главными действующими лицами в мировом экономическом процессе»¹. В этих условиях международное публичное право приобретает еще большее значение для политических и экономических межгосударственных отношений, политического и экономического устройства мира. В целом наблюдается очевидное развитие международного публичного права и расширение сферы его действия.

В современном мире наиболее интенсивно идет развитие международных экономических отношений, и возрастающая активность государств проявляется именно в данной сфере. Об этом свидетельствует быстрый рост числа самых разных международных экономических договоров, при помощи которых государства вырабатывают и согласовывают свои позиции в отношении методов и форм воздействия на развитие национальных экономических отношений, на внутреннюю хозяйственную жизнь.

Стремительный рост международных экономических отношений опережает развитие национального права. Кроме того, существенные различия национальных правовых систем, регулирующих хозяйственные отношения, затрудняют развитие международного экономического сотрудничества. По этой причине государства пошли по пути создания единых унифицированных норм для регулирования универсальных и региональных экономических отношений посредством заключения международных унифицирующих соглашений. Был создан унифицированный механизм регулирования международных экономических отношений в ряде важнейших сфер. Такой механизм достаточно давно функционирует в сфере транс-

¹ *Бахин С.В.* Инвестиционное право и инвестиционная политика // Legal Issues of Foreign Investment in Transition Countries. BWV // Berliner. 2006. P. 26.

портного права, в важных и довольно обширных областях торгового права. Механизм материально-правовой унификации торгового права обладает целым рядом преимуществ, которые неоднократно анализировались в литературе².

Торговое право по сей день остается особым предметом процесса международной унификации права. Начало этому процессу положили Гагские конвенции, разрабатываемые Гагской конференцией по международному частному праву, созданной в 1893 г.³ Большое число проектов различных многосторонних соглашений (модельных законов) в сфере международной торговли было разработано такими международными организациями, как УНИДРУА, ЮНСИТРАЛ, ВТО, ВОИС. Процессу унификации в очень большой степени способствовали региональные организации государств, прежде всего ЕС и, в известной степени, СНГ.

Унифицированное торговое право международных договоров имеет особое значение, оно облегчает и упорядочивает международное торговое сотрудничество, преодолевает разноречивые и серьезные различия в национальном правовом регулировании, служит достижению единообразия в таком регулировании. Применение единообразных норм делает излишним использование норм иностранного материального права. Иными словами, единообразные нормы в ряде случаев замещают международное частное право разных государств со всеми его сложностями и проблемами.

Унифицированные нормы в сфере торгового права устраняют многие противоречия в правовом регулировании и создают предпосылки для его стабильности. Унифицированное торговое право международных договоров подлежит прямому применению. При унификации в международном договоре устанавливаются завершённые по своей форме правовые нормы, готовые к применению в системе внутреннего права стран — участниц договора, и государства принимают на себя обязанность обеспечить их действие в пределах своей юрисдикции. Однако остается вопрос о единообразном толковании унифицированных норм.

Исключительно важную роль в развитии права международной торговли играет Венская конвенция ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров. Венская конвенция регулирует заключение договоров международной купли-продажи, права и обязанности сторон, содержит унифицированные материально-правовые нормы, которые замещают собой национальное законодательство. Например, в ФРГ Венская конвенция заменила два закона — Единообразный закон о международной купле-продаже движимых вещей и Единообразный закон о заключении договоров о международной купле-продаже движимых вещей⁴.

Однако Венская конвенция не регулирует вопросов общего договорного права, сроков давности, оспаривания сделок, уступки требования и ряд других. В Конвенции предусмотрено (ст. 7 п. 2), что эти вопросы должны решаться согласно применимому праву, к которому отсылает международное частное право.

Унификация права путем заключения международных договоров касается не только материально-правовых норм, но и коллизионного права. Несовпадение национальных коллизионных норм может создавать случаи, когда отношения, пользующиеся правовой защитой в одном государстве, не получают ее в другом.

² Международное частное право: современные проблемы. М., 1994; Международное частное право: учебник для вузов / под ред. Н.И. Марышевой. М., 2000.

³ *Вилкова Н.Г.* Договорное право в международном обороте. М., 2004. Гл. 2; *Богуславский М.М.* Международное частное право. 5-е изд. М., 2004. С. 45—55 и др.

⁴ *Кох Х., Винклер У., Моренфельс П.* Международное частное право и сравнительное правоведение. М., 2001. С. 155.

Это вызывает необходимость унификации коллизионных норм, что происходит также посредством заключения международных договоров. Одним из последних документов, принятых в этой сфере, является Минская конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., которая унифицировала коллизионные нормы государств-участников в сфере гражданского, наследственного и семейного права⁵.

Новейшими документами в области коллизионного права на уровне ЕС, касающимися выбора материального права для договорных и внедоговорных обязательств, являются регламенты «Рим I» и «Рим II», принятые соответственно в 2009 и 2007 гг. Унификация коллизионных норм благоприятно влияет на развитие международных экономических отношений, в известной мере упрощая их, поскольку в унифицированных сферах нет коллизий национальных законов и проблем выбора права. Все эти вопросы решены унифицированными нормами. Однако унификация материально-правовых норм в большей степени, чем унификация коллизионных норм, служит достижению единообразного регулирования, поскольку унифицированные материально-правовые нормы являются непосредственно применимыми. Унификация коллизионных норм лишь упрощает установление применимого права, однако компетентное национальное законодательство сохраняет различия (если только и оно не унифицировано).

Унифицированные нормы могут замещать национальные нормы (как материальные, так и коллизионные), что ведет к известному сужению действия национальных норм. При этом традиционная сфера регулирования международного частного права упорядочивается и совершенствуется. Для современного развития международного частного права характерен процесс создания единых унифицированных норм, что достигается в подавляющем большинстве случаев путем заключения международных конвенций универсального и регионального характера, где такие нормы фиксируются. Однако процесс унификации норм, регулирующих международные экономические отношения, не следует представлять себе как столбовую дорогу унифицированных норм, он достаточно сложен. В ряде случаев он идет очень медленно, не затрагивая многих стран. А.С. Комаров считает, что этот процесс «продолжает оставаться в настоящее время весьма сложным, поскольку на него, в числе прочих, влияют и политические факторы, которые порой затрудняют принятие юридико-технических решений»⁶.

Следует отметить, что заключение унифицирующего соглашения по какой-либо проблеме может и не дать значительного эффекта, если к нему присоединяется лишь незначительное число стран. Например, Вашингтонская конвенция о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и лицами других государств, принятая в 1965 г., уже в 1966 г. вступила в силу; число стран, подписавших Конвенцию, в 2008 г. достигло 155. С другой стороны, Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров, принятая в 1980 г., вступила в силу лишь в 1988 г. Некоторые конвенции вообще не вступили в силу, например, Гагская конвенция 1986 г. о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров. В Конвенции о международном финансовом лизинге 1988 г. участвуют всего шесть государств. Причины, по которым государства не желают присоединяться к той или иной конвенции, самые разные. Однако чаще всего

⁵ Богуславский М.М. Указ. соч. С. 19.

⁶ Комаров А.С. Международная кодификация норм, относящихся к международным коммерческим договорам // Закон. 1995. № 12. С. 93—94.

государство не хочет присоединяться, если это требует значительных изменений в его национальном законодательстве.

Как бы то ни было, но необходимость единообразного регулирования заставляет государства искать и находить взаимосогласованные решения и заключать унифицирующие договоры. В мире наблюдается возрастающее влияние международного договорного права. Это свидетельствует о происходящей интернационализации источников международного частного права.

В связи с унификацией норм международного частного права вновь возникает вопрос о месте унифицированных норм в правовой системе государств: относить ли их к системе международного публичного права или же к системе национального (внутригосударственного) права. Дискуссии по этому поводу продолжаются, наличествует обширная российская и иностранная литература (М.И. Брагинский, М.М. Богуславский, Г.М. Вельяминов, И.С. Зыкин, В.П. Звекон, А.С. Комаров, И.С. Лебедев, А.Л. Маковский, О.Н. Садилов, Р. Давид, Дж. Джексон, К. Шмиттхофф).

Многие представители отечественной доктрины международного публичного права (И.П. Блищенко, Л.Н. Галенская, С.А. Голунский, Ф.И. Кожевников, С.А. Малинин, В.И. Менжинский) считают, что нормы международного частного права, содержащиеся в договорах, регулирующих отношения сферы действия МЧП, входят в состав международного права в широком смысле, имея в виду международное публичное право. Они полагают, что унифицированные материально-правовые нормы относятся к системе международного публичного права только потому, что они содержатся в международном договоре. По их мнению, все нормы, входящие в состав международного договора, обязательно должны рассматриваться как нормы международного публичного права.

«Правовое значение унифицирующих договоров формально теоретически и по самой сути ничем не отличается от других международных договоров, кроме особого предмета регулирования». Норма международного унифицирующего договора после ее рецепции «становится гражданско-правовой нормой», но и «не прекращает оставаться конвенционной международно-правовой нормой»⁷. М.М. Богуславский также пишет о двойственной природе унифицированных норм, об их дуалистичности — о международно-правовой и частноправовой их природе⁸.

Признавая, что унифицированные нормы международных договоров предназначены для действия во внутривыправовой сфере для регулирования отношений между субъектами национального права, С.Ю. Марочкин пишет, что, вместе с тем, как часть «унифицирующего международного договора они регулируют и отношения между его участниками (государствами) — взаимную обязанность обеспечить или создать правовой режим для действия договорных норм в национальной правовой системе»⁹.

На наш взгляд, представленные суждения являются не совсем логичными. По нашему мнению, сущность унифицированных норм, которые рассчитаны на урегулирование международных частноправовых отношений, не является дуалистичной. Для подтверждения этого проанализируем унифицированные нормы, например, ст. 15 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров («оферта вступает в силу, когда она получена адресатом оферты») или ст. 56

⁷ Вельяминов Г.М. Международные договоры в международном частном праве и его понятие // Государство и право. 2002. № 8. С. 80.

⁸ См.: Богуславский М.М. Указ. соч. С. 22—23.

⁹ Марочкин С.Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень, 1988. С. 31—32.

той же Конвенции («если цена установлена в зависимости от веса товара, то в случае сомнения она определяется по весу нетто»). Очевидно, что это в чистом виде гражданско-правовые нормы, никакой дуалистичности они не содержат. Таковы же и прочие нормы Венской конвенции.

Следует также заметить, что указанные нормы адресованы отнюдь не государствам, они адресованы субъектам частного права. Таким образом, ни предмет регулирования этих норм, ни субъекты, к которым они относятся, не принадлежат международному публичному праву. Что же в таком случае определяет их дуалистичность? Вероятно, лишь только то, что они облечены в форму международного договора. Но является ли это определяющим фактором?

В Венской конвенции содержатся и нормы, адресованные непосредственно государствам-участникам. В Преамбуле указаны цели государств, принявших Венскую конвенцию: «Принять единообразные нормы, регулирующие договоры международной купли-продажи товаров... способствовать устранению правовых барьеров и содействовать развитию международной торговли». Эти нормы, без сомнения, являются международно-правовыми, поскольку: а) адресованы самим государствам; б) устанавливают обязанности этих государств — обеспечить единообразное регулирование в конкретной гражданско-правовой сфере. Однако содержание содержания унифицирующего договора составляют совсем не эти нормы Преамбулы, а нормы, непосредственно относящиеся к регулированию: а) не межгосударственных, а частноправовых отношений, отношений между субъектами частного права; б) отношений с иным предметом регулирования (имущественные отношения), с иным характером взаимосвязей, с иными видами и формами ответственности.

Полагаю также, что никакая норма международного договора не становится и не может стать гражданско-правовой нормой в силу рецепции, если только она таковой не была изначально.

Для ответа на вопрос о месте унифицированных норм в правовой системе государств, прежде всего, следует исходить из общепринятого положения, что понятие и само существование любой отрасли права определяется наличием особого предмета регулирования. Предметом регулирования международного частного права являются частные отношения, имеющие имущественный характер, между частными (физическими и юридическими) лицами разных государств и, в силу этого и в известной мере, условно названные международными отношениями, или, как это принято писать, отношениями, «осложненными иностранным элементом».

Правовой характер норм не меняется в зависимости от того, содержатся ли они в международном договоре или в ином источнике права. Следует заметить также, что унификация норм осуществляется не только в форме международного договора, но и, например, в форме единообразного закона. Это говорит о том, что форма унификации не оказывает влияния на правовую природу унифицируемых норм. Не источник права определяет правовой характер норм, а лишь предмет регулирования. Нецелесообразно сопоставлять качественно разнородные понятия — содержание договора и его форму.

Итак, унифицированные нормы не имеют, на наш взгляд, дуалистичной природы. Некоторые авторы, не считая их дуалистичными, указывают на их международно-правовое происхождение. По нашему мнению, и это не так. Унифицированные нормы имеют своим происхождением отнюдь не международный договор. В своей основе они имеют национальную (в рассматриваемом нами случае) гражданско-правовую природу происхождения и лишь облечены в форму между-

народного договора. Это становится ясным при анализе процедуры унификации. В международный унифицирующий договор на основе сравнительно-правового анализа *национальных (гражданско-правовых) норм* различных государств по конкретной проблеме включаются: 1) общие для всех стран-участниц нормы, либо 2) наиболее оптимальные нормы (также выбранные из национальных законов) и 3) лишь незначительная часть норм разрабатывается вновь участниками также на основе сравнительно-правового анализа национальных норм стран-участниц. Таким образом, истоки происхождения унифицированных норм, имеющих своей целью создание единообразного правового регулирования отношений между субъектами внутригосударственного права участвующих в процессе унификации государств, лежат в национальном праве этих государств. Относить материально-правовые унифицированные нормы к системе международного публичного права на том лишь основании, что они облечены в форму международного договора, по нашему мнению, нелогично.

Когда происходит унификация норм путем заключения международных договоров, ее следует рассматривать как принятие единообразного закона странами-участницами. Унификации подвергается национальное законодательство, регулирующее определенные правовые отношения. «Унифицированные нормы включаются в международный договор как нормы, рассчитанные на применение с использованием внутригосударственного механизма, и в системе других норм внутреннего права... они предназначены для регулирования отношений между субъектами внутригосударственного права»¹⁰. Относить международные унифицирующие договоры, скажем, Венскую конвенцию, к системе международного публичного права, не принимая во внимание, какие правоотношения регулируют содержащиеся в ней нормы, — значит игнорировать предмет регулирования, который является основным критерием разграничения отраслей права. Хотя унифицированные нормы и имеют своим формальным источником международный договор, однако их природа определяется кругом правоотношений, который они регулируют.

Для унифицированных материально-правовых норм характерно:

- 1) они содержатся в международном договоре;
- 2) содержание договора базируется на национальном праве стран-участниц;
- 3) применение норм происходит внутри национального права;
- 4) они предназначены для регулирования частных отношений.

Целесообразно согласиться с А.В. Асосковым, который пишет, что унифицированные материально-правовые нормы, созданные путем метода прямой унификации, не требующие от государств принятия дополнительных конкретизирующих положений, следует относить к правовым системам отдельных государств, а не к системе международного публичного права¹¹. К этому следует добавить, что унификация — это достижение единообразия в регулировании определенных правоотношений. Тот факт, что унификация достигается путем заключения международного договора, не меняет и не может изменить сути этих правоотношений, меняется лишь форма волеизъявления государств по их регулированию. При унификации соответствующие нормы утверждаются не законом (волеизъявлением государства), а заключением международного договора, т.е. волеизъявлением нескольких государств. В правовой доктрине формы, с помощью которых государственная воля становится правовой нормой, обозначаются условным термином «источник права».

¹⁰ Иванов Г.Г., Маковский А.Л. Международное частное морское право. Л., 1984. С. 51 и др.

¹¹ Асосков А.В. Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. М., 2003. С. 182.

Форма источника права остается лишь формой, она не может изменить сущности регулируемых отношений, изъять их, скажем, из гражданского права и сделать международными.

В связи с этим приводим следующее высказывание А.В. Асоскова, который вслед за Гугенхеймом различает в каждом международном договоре его динамичный характер, т.е. процедуру, которая привела к его появлению, и его статический характер, т.е. то, что относится к результату — норме, содержанию. Он приводит в качестве наиболее яркого примера международный договор, построенный по форме «единообразного закона». Сам текст договора определяет процедурные вопросы, регулирующие процессы вступления в силу договора, его подписания, ратификации, денонсации. Унифицированные материально-правовые нормы, направленные на регулирование частноправовых отношений физических и юридических лиц, вынесены в приложение и составляют содержание единообразного закона, который должен быть введен в действие в странах-участницах. «Очевидно, что второй элемент тяготеет именно к национальным системам права»¹². Такого рода нормы, указывает тот же автор, включаются в правовую систему каждой из стран, находятся в одной плоскости с их внутренним законодательством и используются в регулировании частноправовых отношений.

Высказанные соображения мы относим и к международным договорам, унифицирующим коллизионные нормы. Полагаем, что предмет регулирования в данном случае тот же. Коллизионная норма направлена на регулирование тех же отношений и указывает на подлежащее применению (компетентное) право. «Коллизионная норма вместе с материально-правовой нормой, обращение к которой венчает выбор применимого права, образуют правило поведения для участников соответствующего частноправового отношения»¹³. Таким образом, достижение соответствующего решения возможно лишь путем совместного применения и той, и другой норм, поскольку они регулируют однородные отношения. Материально-правовые унифицированные нормы международного договора и коллизионные нормы имеют единый предмет регулирования, а их различие состоит в разных методах регулирования.

Полагаем, что разграничение сфер международного публичного и международного частного права не может основываться на формальном признаке — наличии или отсутствии международного договора, основание разграничения лежит в иной плоскости — в предмете регулирования. «Всякий договор, не являющийся договором между государствами как субъектами международного права, имеет основание в каком-либо национальном законе»¹⁴.

Проблема соотношения международного публичного и международного частного права на сегодняшний день далека от окончательного решения, в условиях же бурного развития различных международных отношений и ускоряющихся процессов глобализации ее решение еще более затруднительно. В связи с этим представляется уместным привести мнение С.Н. Лебедева, который пишет: «Международное частное право рассматривается, главным образом, как принадлежащее скорее национальному праву, а не международному (публичному). Такой подход ни в коей мере не свидетельствует о недооценке роли международного сотрудничества, прежде всего в сфере унификации права, в развитии норм различных государств, ре-

¹² Асосков А.В. Указ. соч. С. 181.

¹³ Звеков В.П. Коллизии законов в международном частном праве. М., 2007. С. 138.

¹⁴ Луиц Л.А. Курс международного частного права. Общая часть. М., 1973. С. 26—27.

гулирующих частные отношения с участием иностранного участника или осложненного иным иностранным элементом... В эпоху глобализации международные факторы присутствуют в различных сферах (идет ли речь о правах человека или коммерческой деятельности), в результате чего международные конвенции и правовые инструменты (модельные законы международных организаций, содержащие нормы частного права) составляют важные источники права для государств»¹⁵.

Правовая природа норм международных инвестиционных соглашений. В эпоху развития и усложнения мировых экономических процессов государство заключает многообразные универсальные и региональные, многосторонние и двусторонние международные договоры, которые являются источниками правового регулирования международных экономических отношений.

В этом многообразии имеются международные договоры, которые, как, например, Венская конвенция 1980 г., относятся непосредственно к системе международного частного права, и есть другие виды международных договоров, которые включаются в систему международного публичного права, хотя и регулируют экономические отношения частного характера. Ничто не мешает государству в силу его суверенитета распространить действие им же согласованных и принятых норм международного права в сфере действия внутреннего права. К этому последнему виду международных договоров относятся многочисленные международные соглашения, регулирующие иностранные инвестиции.

В современных условиях правовое регулирование иностранных инвестиций в Российской Федерации основано на принципах и нормах международного публичного права (как, впрочем, и в других сферах правового регулирования, если исходить из ст. 15 Конституции РФ). Однако в отличие от многих других сфер регулирования иностранных инвестиций наиболее тесно связано с многочисленными международными соглашениями. Основную массу таких соглашений составляют двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите иностранных инвестиций и двусторонние соглашения об избежании двойного налогообложения. Кроме того, имеются две наиболее важные многосторонние конвенции — Сеульская конвенция 1985 г. об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (МАГИ) и Вашингтонская конвенция 1965 г. о создании Международного арбитражного центра по разрешению инвестиционных споров между государствами и частными иностранными инвесторами.

Несмотря на многочисленность международных соглашений, касающихся иностранных инвестиций, первостепенная роль в регулировании иностранных инвестиций остается за национальным законодательством, поскольку инвестиционные отношения являются в своей основе частноправовыми отношениями и как таковые подчиняются внутригосударственному правопорядку. Отношения, связанные с иностранными инвестициями, могут называться международными лишь потому, что они выходят за пределы одного государства и включают так называемый иностранный элемент, однако это не межгосударственные отношения.

Если провести сравнительный анализ унифицирующих международных договоров торгового права и международных соглашений о поощрении и взаимной защите иностранных инвестиций, то следует констатировать, что они имеют лишь одно сходство. Сходство это состоит в том, что оба вида вышеназванных международных актов воплощены в единой форме — форме международного договора. В остальном они существенно отличаются друг от друга.

¹⁵ Лебедев С. Н. О природе международного частного права // Советский ежегодник международного права. 1979. М., 1980. С. 77.

Международные унифицирующие договоры в сфере торгового права содержат гражданско-правовые нормы, непосредственно регулирующие правовые отношения субъектов внутреннего права и обращенные к этим субъектам. Нормы инвестиционных соглашений содержат исключительно обязательства государств, обращенные друг к другу. Там, где речь идет о межгосударственных отношениях, там не возникает вопроса, о какой системе права идет речь, это, бесспорно, сфера международного публичного права. В качестве примера рассмотрим международный договор, заключенный в 2002 г. между Правительством Республики Финляндия и Правительством Российской Федерации о поощрении и взаимной защите иностранных инвестиций. Практически каждая статья Договора начинается со слов: «Каждая из Договаривающихся сторон... создает благоприятные условия для инвесторов другой Договаривающейся стороны»; «Каждая из Договаривающихся сторон... обеспечит на своей территории справедливый и благоприятный режим... и защиту инвесторам другой Договаривающейся стороны... предоставит инвесторам другой Договаривающейся стороны режим наибольшего благоприятствования...».

В целом обязательства договаривающихся государств сводятся к взаимному обеспечению для их инвесторов определенного правового режима. Во многих подобных соглашениях предусмотрен национальный режим, который должен быть «по крайней мере таким же благоприятным, как лучший из наиболее благоприятного режима, предоставляемого Стороной государственным предприятиям или другим компаниям, либо гражданам этой Стороны в аналогичных обстоятельствах» (из Соглашения Россия — США 1992 г.). В других соглашениях говорится о режиме наибольшего благоприятствования в общепринятом понимании этого термина.

В рассматриваемых соглашениях содержатся обязательства государств не экспроприировать капиталовложения другого государства. В случае национализации предусмотрена выплата компенсации. В соглашениях достаточно подробно определены условия ее выплаты. Компенсация должна быть быстрой, адекватной и эффективной, должны быть выплачена без задержки. Сумма компенсации должна включать проценты, которые начисляются на базе рыночной ставки за период с момента экспроприации до дня фактической выплаты компенсации. Эти суммы могут быть свободно переведены из страны по рыночному валютному курсу, существовавшему на дату экспроприации. Также подробно определены условия вывоза иностранными инвесторами в свои страны капитала и других легально полученных в связи с капиталовложениями сумм. Еще следует отметить статьи, касающиеся разрешения споров, возникающих между самими государствами, чаще всего относительно толкования соглашения или условий его применения.

Анализ международных соглашений о поощрении и взаимной защите иностранных инвестиций показывает, что практически все их статьи являются нормами международного публичного права, адресованными государствам, они содержат обязательства государств создать в своих странах определенный правовой режим для инвесторов из другого договаривающегося государства и обеспечить его соблюдение. Помимо этого в соглашениях содержатся международно-правовые категории и понятия, такие как экспроприация, национализация, режим наибольшего благоприятствования, компенсация в случае национализации, капиталовложения. Ряд статей говорит о санкциях при нарушении государствами взятых на себя обязательств. Например, обязанность выплаты компенсации можно рассматривать как санкцию против государства, нарушившего обязательство не экспроприировать иностранные капиталовложения.

Еще один ряд статей в таких соглашениях предусматривает обязательства государства соблюдать и применять свое собственное законодательство. В качестве

примера приведем положения Соглашения Россия — США: «Договаривающиеся стороны обязуются защищать права кредиторов или обеспечивать исполнение решений... путем беспристрастного применения своих законов» (ст. 4). «Любые процедуры разрешения споров... будут осуществляться в соответствии с условиями Соглашения о капиталовложениях и применимыми положениями национального законодательства» (п. 2 ст. 6).

Есть в соглашениях и нормы (их очень мало), которые адресованы не государствам, а непосредственно инвесторам. Одно такое положение включено в статью об экспроприации: «Инвестор, чьи инвестиции были экспроприированы, имеет право на быстрое рассмотрение судебным или другим компетентным органом этой Договаривающейся стороны его иска и оценки его инвестиций в соответствии с условиями и принципами, установленными в Соглашении». Здесь закреплено процессуальное право инвестора: обратиться в соответствующий орган, где его иск должен быть рассмотрен.

Все указанные соглашения содержат статьи, касающиеся разрешения споров между государством и инвестором. Большинство соглашений включают условия об обращении в Международный арбитражный центр по разрешению инвестиционных споров, созданный Вашингтонской Конвенцией 1965 г. (Россия ее подписала, но не ратифицировала).

Итак, международные соглашения о поощрении и взаимной защите иностранных капиталовложений — это договоры международного публичного права, содержащие обязательства государств по обеспечению на своей территории определенного правового режима для иностранных инвесторов другого договаривающегося государства. Нормы этих соглашений адресованы непосредственно государствам, а не инвесторам. Иностранные инвесторы являются пользователями предоставляемых государствами режимов. При нарушении этих режимов такие инвесторы получают возможность требовать от государства, нарушившего режим, выплаты соответствующего возмещения.

Рассматриваемые соглашения содержат взаимные обязательства государств. Лишь при нарушении межгосударственных обязательств каким-либо договаривающимся государством у него возникает обязанность перед инвестором, а у инвестора — гражданско-правовое требование к такому государству.

Международные соглашения о поощрении и взаимной защите иностранных инвестиций, будучи договорами, входящими в систему международного публичного права, имеют дуалистический характер: они регулируют как отношения между государствами, так и создают конкретные правовые условия для деятельности иностранных инвесторов — субъектов частного права. Иными словами, эти соглашения являются также источниками регулирования определенной сферы административно-правовых и, в известной мере, частноправовых отношений.

В тех государствах, где имеется специальное законодательство об иностранных инвестициях, условия рассматриваемых соглашений включаются в такое законодательство. Содержание инвестиционных законов во многом определяется содержанием межгосударственных инвестиционных соглашений и заимствовано из них. Инвестиционное законодательство РФ, в частности ранее действовавший Закон об иностранных инвестициях 1991 г., воспроизводил многие положения двусторонних соглашений о поощрении и взаимной защите инвестиций, например, положения о правовых режимах, о компенсации в случае национализации, о переводе прибылей и иных доходов, связанных с капиталовложениями, о разрешении споров. Некоторые нормы закона лишь несколько изменяли соответствующие формулировки статей соглашения, не более того.

К сожалению, этого нельзя сказать об аналогичном Законе РФ 1999 г. Некоторые его нормы отступают от условий соглашений, что вряд ли имеет смысл, поскольку согласно Конституции РФ нормы международных соглашений в случае их коллизий с национальными нормами обладают приоритетом.

В современном мире наблюдаются как бы две взаимодополняющие тенденции для обеспечения правового регулирования усложняющихся международных экономических отношений. С одной стороны, происходит включение национальных норм в международный договор для обеспечения их единообразного применения государствами-участниками. Сюда относятся унифицирующие международные договоры торгового права. С другой стороны, происходит включение международно-правовых норм в национальное законодательство, в систему внутреннего права. Об этом свидетельствует использование норм международных инвестиционных соглашений в национальных законах об иностранных инвестициях. Правовой характер норм как одного, так и другого вида международных договоров определяется, по нашему мнению, предметом их регулирования.